

Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии

Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман, Н. В. Максимчук

Евгений Юрьевич Винокуров – Ph. D., д. э. н., зам. начальника Аналитического управления, начальник отдела экономического анализа и консалтинга Евразийского банка развития. Автор четырех индивидуальных и четырех коллективных монографий, включая «A Theory of Enclaves» (Lexington Books, Lanham, 2007) и «The CIS, the EU, and Russia: The Challenges of Integration» (Palgrave Macmillan, London, 2007). Редактор ежегодного альманаха EDB Eurasian Integration Yearbook, выпускаемого ЕАБР. Руководитель авторского коллектива по проекту «Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР». В настоящее время занимается проблематикой экономической интеграции на евразийском пространстве. Ряд статей и обзоров доступен на www.eabr.org/rus/publications/ и www.vinokurov.info.

Электронная почта: vinokurov_ey@eabr.org

Александр Михайлович Либман – Ph. D., к.э.н., младший профессор Франкфуртской школы финансов, старший научный сотрудник Института экономики РАН, ассоциированный исследователь Центра российских исследований Восточно-Китайского университета. Закончил Финансовую академию при Правительстве РФ, аспирантуру ИМЭПИ РАН и докторантуру Маннгеймского университета, стажировался в Марбургском университете и Стокгольмской школе экономики. Автор четырех монографий и около 200 печатных работ, в том числе в журналах «Europe-Asia Studies», «European Journal of Comparative Economics», «Social Sciences», «Вопросы экономики», «Общественные науки и современность», «Прикладная эконометрика», «Мировая экономика и международные отношения», «Международные процессы», «Пространственная экономика», «Российский журнал менеджмента», «Свободная мысль» и других.

Электронная почта: libman@rambler.ru

Наталья Викторовна Максимчук – главный специалист отдела экономического анализа и консалтинга, Аналитическое управление, ЕАБР. Степень магистра в области бизнес администрирования Школы бизнеса Университета Астана (Великобритания). Более 10 лет опыта работы в системе организации ООН со специализацией в области эффективного государственного управления, регионального сотрудничества в Центральной Азии, координации внешней помощи на цели развития.

Электронная почта: maqsimchuk_nv@eabr.org

1. Введение

На протяжении двух десятилетий развития постсоветской Центральной Азии (далее – ЦА) поиск модели интеграционного объединения на экономической основе составлял важный элемент стратегии развития стран региона и определения своего места на экономической и политической карте мира. Однако многостороннее экономическое взаимодействие в рамках первых интеграционных проектов в ЦА не получило широкого

развития, и попытки создания единого экономического пространства потерпели неудачу. В литературе высказан ряд мнений о причинах произошедшего, в частности, что реальный потенциал интеграционных факторов оказался переоценен, а вопросы объективной готовности стран региона к глубокой интеграции производства, товарно-материального обмена и финансовой сферы остались без должного внимания (Ушакова, 2004). В силу расхождения в ориентирах, стратегиях, моделях модернизации, институциональных основах экономики, государства ЦА не могут эффективно использовать возможности регионального сотрудничества для целей своего экономического развития (Вардомский, 2005; Головнин, 2008). В ЦА по-прежнему большую роль играют факторы, затрудняющие взаимодействие на межгосударственном уровне (Akiner, 2007; Звягельская, 2005).

Тем не менее, региональная интеграция остается одной из наиболее часто обсуждаемых задач при формировании экономической политики стран региона ЦА. При этом внешние наблюдатели в целом положительно оценивают потенциал экономической интеграции в центральноазиатском регионе (Barlett, 2001; Gleason, 2001). Эксперты отмечают, что в настоящее время взаимодействие стран в регионе ЦА преимущественно строится в формате двусторонних договоренностей (Кузьмин, 2008). Выдвигается мнение, что отсутствие реальных результатов в развитии институциональной интеграции нередко компенсируется развитием трансграничного взаимодействия, т.е. интеграцией «снизу» (Либман, 2009). В ряде исследований рассматриваются влияние размера интеграционных группировок на их устойчивость (Либман, 2008) и перспективы различных по формату объединений с участием слабо- и среднеразвитых экономик (Либман, Зевин, 2009). Мировой опыт показывает, что интеграционные блоки, объединяющие страны с высокими и достаточно близкими уровнями развития, имеют больше шансов на успех, чем объединения слабо-развитых, бедных стран (Вардомский, 2004). Ряд исследований посвящен интеграционным процессам в отдельных ключевых отраслях и секторах центральноазиатских экономик, включая водно-энергетический комплекс (EDB, 2008; Vinokurov, 2007), трансграничные транспортные коридоры (Emerson, Vinokurov, 2009) и электроэнергетический рынок (Vinokurov, 2008). В большинстве исследований отмечается более интенсивный характер связей стран ЦА с Россией, чем между собой, например, в рамках ЕврАзЭС.

Эмпирически настоящая статья опирается на выводы исследовательского проекта Евразийского банка развития «Система индикаторов евразийской интеграции» (далее – СИЕИ) (ЕАБР, 2010). СИЕИ представляет собой инструмент комплексного мониторинга и систематической оценки динамики интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в рамках которого в качестве субрегиона выделяется Центральная Азия (ЦА-4). Система индикаторов включает в себя три блока, которые соответствуют трем основным аспектам регионального взаимодействия – интеграция рынков, конвергенция экономических систем и институциональная интеграция. Сводные индексы составлены на основе девяти частных индексов

региональной интеграции: интеграция в сфере торговли, трудовой миграции, электроэнергетики, сельского хозяйства, образования, макроэкономики, монетарной, фискальной и финансовой политики.

Статья состоит из двух частей. В первой, преимущественно дескриптивной части, мы попытаемся, опираясь на данные СИЕИ, дать оценку количественным характеристикам интеграции в Центральной Азии на протяжении последнего десятилетия¹. Во второй части, опираясь на представленные статистические показатели, мы попытаемся дать ответ на три ключевых вопроса, во многом определяющих понимание развития интеграции в Центральной Азии. Во-первых, необходимо понять, сколь корректным является анализ Центральной Азии, как самостоятельного интеграционного региона, или она является составной частью более крупных интеграционных регионов. Это центральный вопрос статьи. Во-вторых, мы попытаемся определить существование в Центральной Азии (как минимум, потенциального) «интеграционного ядра», способного стать центром притяжения для региональных и внерегиональных экономик. В-третьих, в непосредственной связи с данными двумя вопросами находится оценка роли КНР как гравитационного центра ЦА; в какой степени «постсоветская» Центральная Азия, традиционно связанная с Россией, испытывает воздействие «западного вектора интеграции» КНР?

2. Регионализация в Центральной Азии в 1990-2000-х годах: обзор результатов СИЕИ

2.1. Динамика регионального развития в ЦА

Термин «Центральная Азия» формально закрепился в 1993 году по итогам встречи глав государств региона, в советское время именовавшегося, как правило, Средняя Азия и Казахстан. Сегодня рамки геополитической регионализации ЦА определяются территориями пяти государств – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана (хотя в некоторых классификациях, в рамках региона Большой Центральной Азии также рассматриваются Афганистан, Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). Среди наиболее часто приводимых критериев отнесения этих стран к одному региону можно выделить географическое расположение, принадлежность к тюркской группе языков, общность исторических и культурных традиций, состояние социально-экономического развития, схожесть социального устройства обществ.

Теоретически имеются предпосылки к формированию ЦА, как самостоятельного интеграционного региона. ЦА – это группа стран с общими характеристиками, объективными интересами и сложившимися связями. Между странами Центральной Азии есть сходство и связи, позволяющие им рассматриваться как перспективное в интеграционном отношении пространство, а также некоторые различия и противоречия, которые, в свою очередь, затрудняют внутрирегиональное взаимодействие. Среди

¹ В нашей работе под словосочетанием «Центральная Азия» мы подразумеваем пять бывших советских республик. В то же время, в контексте Системы индикаторов евразийской интеграции рассматривается регион «Центральная Азия-4» (без Туркменистана), что связано с устойчивой автаркией и недостатками статистической базы Туркменистана.

причин, по которым ЦА выделяется в отдельный интеграционный регион, выделим следующие:

- расположение в центре континента имеет стратегическое значение с точки зрения его влияния на безопасность и стабильность значительной части Евразии;
- взаимозависимость в контексте водно-энергетической инфраструктуры и единой энергосистемы (наследие СССР);
- связанная транспортная инфраструктура (также наследие советского народнохозяйственного комплекса) и расположение на стыке трансевразийских транзитных коридоров. Через Иран страны региона имеют выход к Персидскому заливу, через Афганистан и Пакистан – к Индийскому океану, через Китай и Россию – в Азиатско-Тихоокеанский регион;
- схожая инфраструктура системы образования, науки, культуры и административного управления;
- русский язык как культурный, политический и экономический медиум;
- в перспективе значительный, но еще недостаточно освоенный рынок (проживает свыше 56 млн человек, валовой внутренний продукт региона составляет около \$60 млрд).

Регион постсоветской ЦА находится в зоне интересов ведущих мировых держав, что обусловлено геополитическим расположением региона, наличием обширных запасов природных ресурсов, процессами экономической и политической трансформации, а также развитием отношений стран региона между собой и внешним миром (Лузянин, 2005). Процессы глобализации и опережающего развития азиатских экономик постепенно изменяют карту мира: их следствием является изменение статуса ЦА с периферии до крупного перекрестка евразийского континента.

После распада Советского союза страны Центральной Азии столкнулись с острой необходимостью ускоренно формировать новые межгосударственные политические и экономические связи, которые ранее замыкались на России. Одновременно с развитием новых внешнеэкономических связей, государства Центральной Азии начали демонстрировать стремление к региональному сотрудничеству. Идея региональной интеграции воспринималась в качестве одного из важных элементов стратегии развития и укрепления экономической самостоятельности. Необходимость интеграции усиливалась осознанием наличия комплекса общих социально-экологических проблем, решение которых возможно при объединении ресурсов и усилий. Экономике центральноазиатских государств, взятые по отдельности, в тот момент не представляли существенного интереса для крупных инвесторов, и только объединение в более крупное экономическое пространство могло бы способствовать привлечению инвестиций необходимого масштаба для модернизации экономических систем этих стран. Это понимание нашло свое отражение в стремлении государств ЦА создать региональное экономическое сообщество и единое эконо-

мическое пространство. Среди других стимулов к объединению также упоминаются необходимость сохранения стабильности и обеспечения безопасности в условиях ряда традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз развитию государств ЦА (Звягельская, 2005), а также совместное использование ресурсов, предопределенное общим природно-географическим положением стран региона.

Однако вскоре стали очевидны препятствия на пути к интеграции. Новые независимые государства проявляли острую чувствительность в вопросах укрепления национального суверенитета, из чего проистекает нежелание и сопротивление идее передачи каких-либо полномочий по принятию решений на наднациональный уровень (Akıner, 2007). Эти проблемы усугубляются асимметричностью в развитии государств, существенно различающихся по размерам территорий, численности населения, наличию природных ископаемых и возможности доступа к ключевым транзитным маршрутам. К факторам, сдерживающим региональное сотрудничество в ЦА, относят разные модели политической и экономической модернизации, приводя в качестве примеров пути развития, избранные двумя крупнейшими государствами, претендующими на лидерство в регионе, – Казахстаном и Узбекистаном (Вардомский, 2005). Немаловажным препятствием является и расслоение стран ЦА по уровню социально-экономического развития.

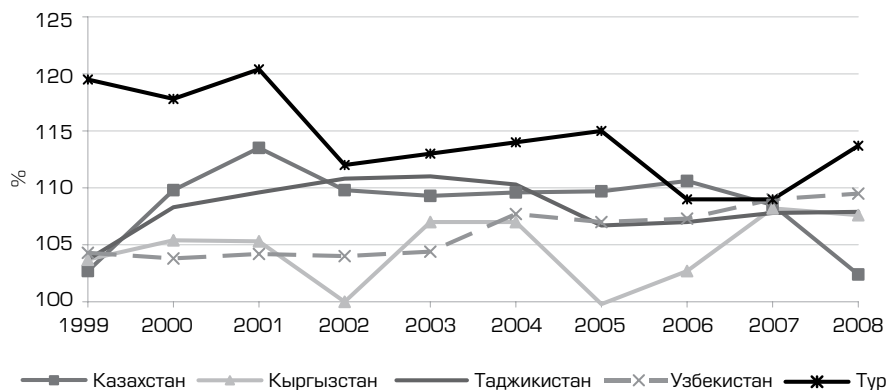
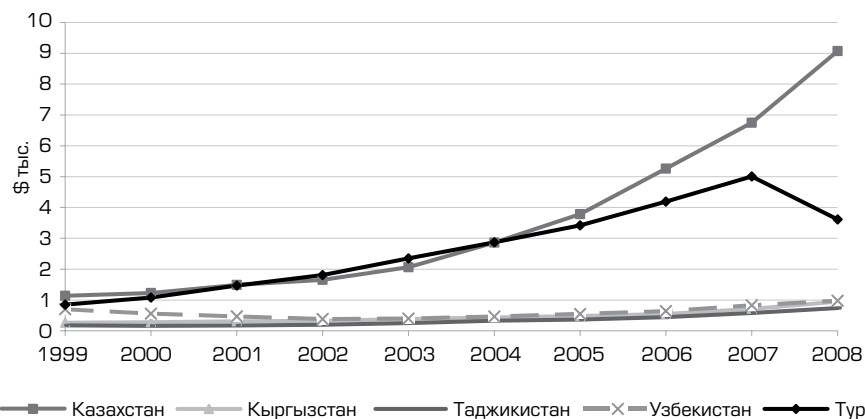

Таблица 1

*Население
центральноазиатских
государств
(млн человек)*

*Источник:
Национальные
комитеты и агентства
по статистике; данные
по Туркменистану –
Азиатский банк
развития*

Казахстан	15.8
Кыргызстан	5.3
Таджикистан	7.1
Узбекистан	27.2
Туркменистан	5.2

Приведенные данные иллюстрируют различия в уровне развития государств региона ЦА–4. Так, Казахстан значительно опережает остальные страны региона по показателю ВВП на душу населения, в то время как Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан на протяжении рассматриваемого периода продолжали оставаться в группе стран с низким уровнем дохода по классификации Всемирного банка.

Экономика Казахстана характеризуется наиболее высокими темпами роста в докризисный период. Но именно экономика РК, в силу своего размера и степени открытости, больше остальных стран пострадала от последствий кризиса, о чем свидетельствует резкое снижение темпов роста. Для Узбекистана отмечается стабильно позитивная динамика роста как в докризисный, так и в послекризисный период, что объясняется закрытостью экономики и долей государства и государственного регулирования в экономике страны, а также с ростом низкого базового уровня. Экономический рост Кыргызстана и Таджикистана также берет начало с низкого базового уровня, имеет вторичный характер, связан с потоками переводов трудовых мигрантов из России и Казахстана и притоком инвестиций из России, Казахстана и Китая.

2.2. Внутрорегиональные (дез)интеграционные процессы в Центральной Азии

Каким же образом в описанных экономических условиях происходило развитие внутрорегиональных интеграционных взаимосвязей? Опираясь на результаты Системы индикаторов евразийской интеграции ЕАБР, на основе данных по интеграции в сфере торговли, трудовой миграции, электроэнергетики, сельского хозяйства и образования, можно определить общие тенденции в изменении уровня и динамики интеграции рынков в ЦА–4. Мы рассмотрим три типа показателей: интенсивность взаимосвязей между парами стран Центральной Азии; уровень интеграции стран региона ЦА–4 в целом; а также интеграцию отдельных стран региона ЦА–4 в структуру экономических обменов в этом регионе. Если первый показатель позволяет определить более устойчивые кластеры экономического взаимодействия в ЦА–4, второй отражает эволюцию интенсивности внутрорегиональной интеграции в ЦА–4 во времени, а третий показывает, сколь значимым является регион ЦА–4 для внешнеэкономических связей отдельных входящих в него стран.

Одним из выводов СИЕИ по интеграции в сфере торговли в рамках СНГ стало то, что максимальной интеграцией в сфере торговли характеризуются пары стран, которые являются соседними государствами. Примерами таких диад являются Россия–Украина, Россия–Беларусь, Азербайджан–Грузия, Украина–Беларусь, Россия–Казахстан. К ним же относится и

диада Казахстан–Украина, которая является единственным исключением из этого наблюдения. В свете этого наблюдения регион ЦА–4 отличается тем, что географическая близость входящих в него стран не ведет к росту торговой интеграции между ними. Для всех стран ЦА–4 значение показателя торговой интеграции наиболее велико для интеграции с регионом СНГ–12. Кыргызстан и Таджикистан выступают лидерами по данному показателю. Показатель интеграции с регионом ЦА–4 заметно ниже. С позиции вовлеченности во внутрирегиональную торговлю в рамках ЦА–4 выделяется Кыргызстан, за ним следует Таджикистан. Для Казахстана значение этого показателя значительно ниже.

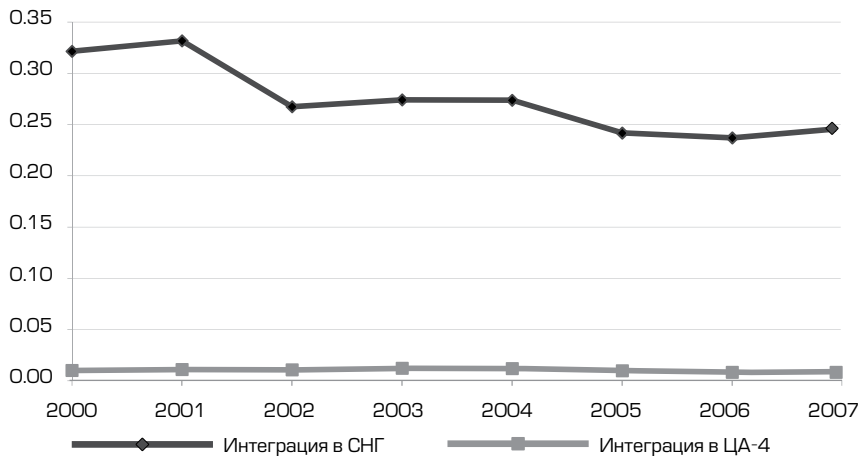

Рисунок 3

Казахстан: индекс торговой интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

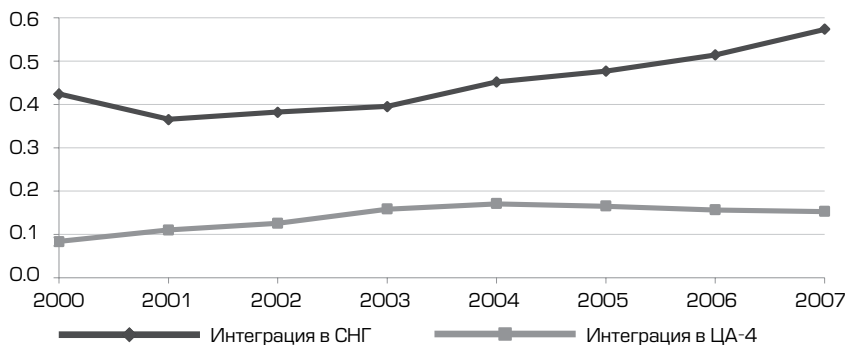

Рисунок 4

Кыргызстан: индекс торговой интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

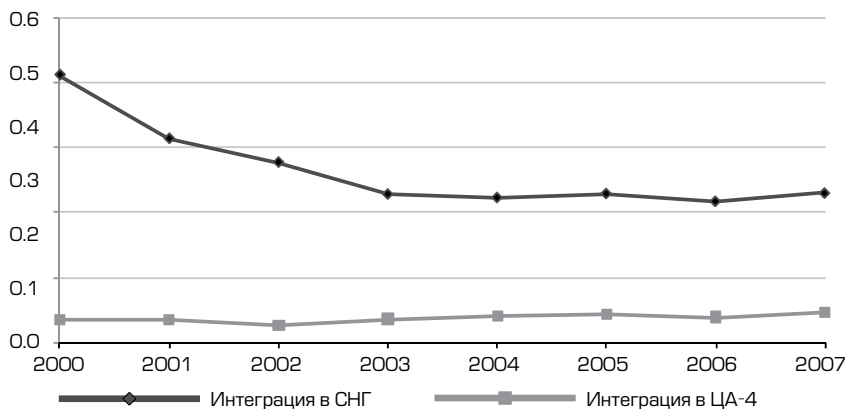

Рисунок 5

Таджикистан: индекс торговой интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

Рисунок 6 Интеграционный индекс внутрирегиональной торговли в ЦА-4 в период с 2000 по 2008 годы характеризуется отрицательной динамикой. Однако, аналогичная тенденция наблюдается по всем другим регионам – СНГ-12, ЕврАзЭС-5, ЕврАзЭС-3 (см. рисунки 6 и 7). В этом отношении регион ЦА-4 не выделяется из постсоветского пространства, следуя его общим тенденциям.

Динамика изменения индекса внутрирегиональной торговли в регионе ЦА-4, 2002–2008 гг.

Источник: СИЕИ ЕАБР

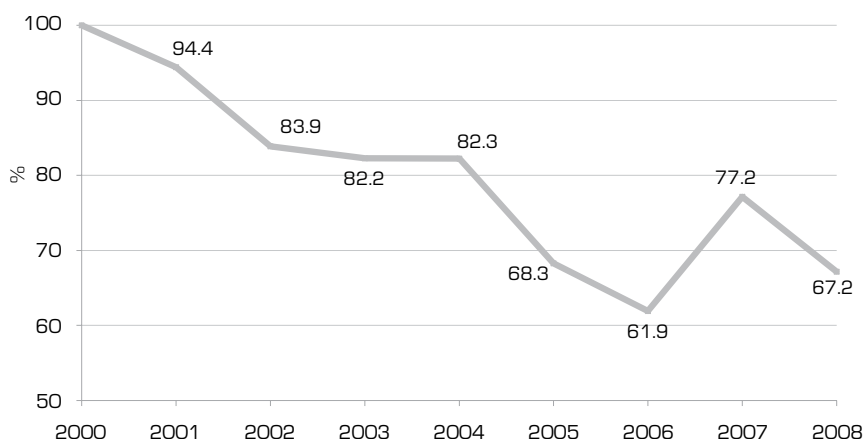
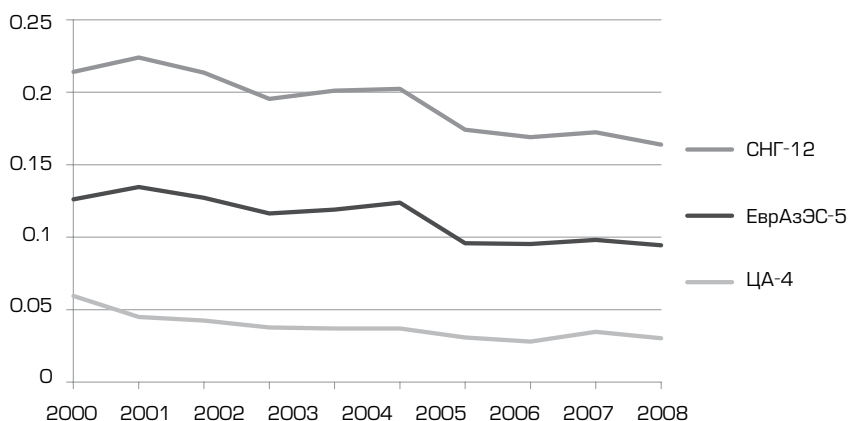

Рисунок 7

Динамика торговой интеграции в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

Выводы СИЕИ по интеграции в сфере *трудовой миграции* указывают на концентрацию миграционных потоков на небольшом числе крупнейших экономик-целей, заинтересованных в привлечении мигрантов. В 2008 году таковыми являлись Россия, Украина и Казахстан. Интеграция в сфере миграции трудовых ресурсов, по данным СИЕИ, существенно выросла за прошедшее десятилетие в отличие от торговой интеграции. Наиболее четко позитивные тенденции в сфере трудовой миграции прослеживаются при анализе динамики индекса интеграции на уровне региона ЦА-4 (см. рисунок 8), где с 2004 года наблюдается активный рост, пик которого приходится на 2006 год. Необходимо учитывать, что рост происходит с очень низкой базы и в основном за счет роста зарегистрированной трудовой миграции в Казахстан из Кыргызстана. Лидером по индексу интеграции в сфере трудовой миграции в 2008 году является пара Казахстан–Кыргызстан. Примечательным наблюдением для региона ЦА-4 является и по-

зительная динамика в той же диаде Казахстан–Кыргызстан. Второе место занимает пара Казахстан–Азербайджан. В связи с этим можно говорить о Казахстане как о еще одном формирующемся центре притока мигрантов.

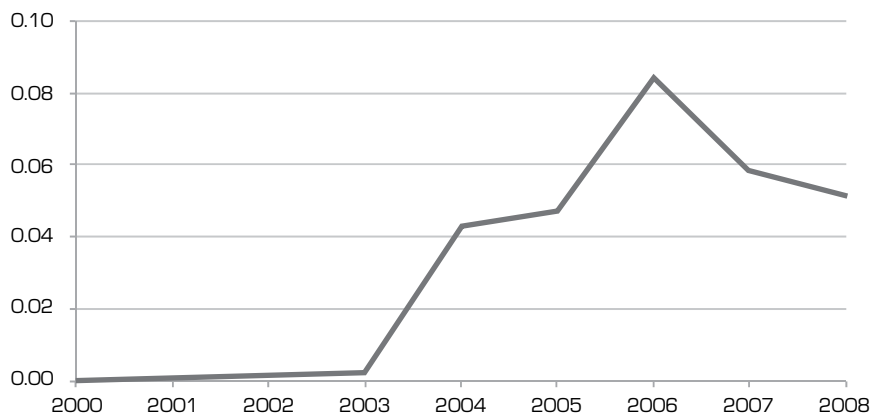

Рисунок 8

Динамика индекса внутрирегиональной трудовой миграции в регионе ЦА-4, 2002–2008 гг.

Источник:
СИЕИ ЕАБР

Оценки уровня и динамики интеграции рынков ЦА-4 в сферах энергетики, сельского хозяйства и образования позволяют сделать следующие выводы. Трансграничная торговля электроэнергией ограничена небольшим числом стран. При этом именно для региона ЦА-4, по сравнению с другими регионами, трансграничный рынок электроэнергии является значимым. Абсолютным лидером выступает пара Узбекистан–Таджикистан. Здесь речь идет об экспорте электроэнергии из Таджикистана, являющемся эффектом реализации схемы водно-энергетического обмена, значимым с точки зрения величины национальных экономик. Второе место занимает пара Таджикистан–Туркменистан, а третье – Таджикистан–Кыргызстан. Таджикистан занимает лидирующее положение и по интеграции в регион ЦА-4. На втором месте – Узбекистан, на третьем – Кыргызстан. Минимальным уровнем интеграции с регионом ЦА-4 характеризуется Казахстан. За период с 2002 по 2008 годы индекс энергетической интеграции в регионе ЦА-4 демонстрирует отрицательную динамику темпов роста (см. рисунок 9). Прежде всего эта ситуация характерна для Казахстана, в меньшей степени – для Таджикистана и Узбекистана.

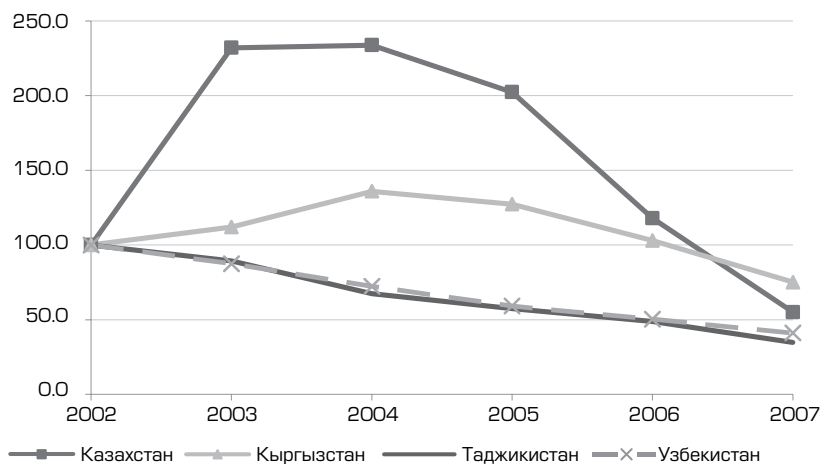

Рисунок 9

Динамика индекса интеграции в сфере энергетики в регионе ЦА-4, 2002–2008 гг.

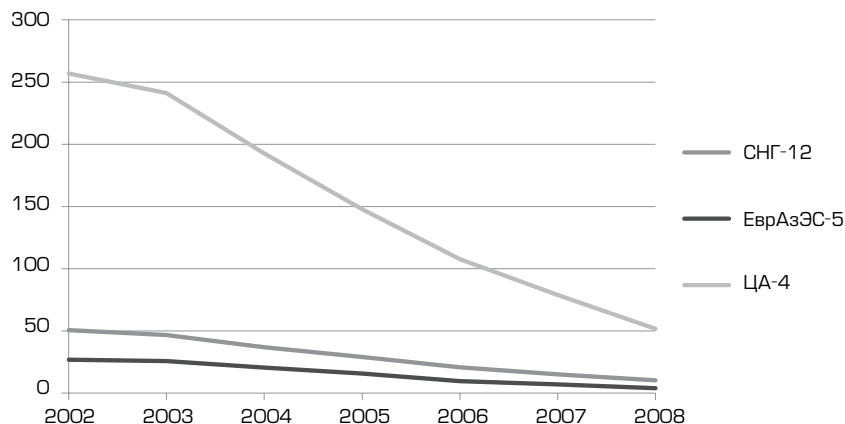
Источник:
СИЕИ ЕАБР

Данная тенденция соотносится с общей по СНГ и другим регионам тенденцией к снижению уровня энергетической интеграции. Для региона ЦА-4, который пока остается лидером с точки зрения интеграции рынков электроэнергетики на постсоветском пространстве, это снижение было особенно сильным (см. рисунок 10).

Рисунок 10

Динамика энергетической интеграции в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

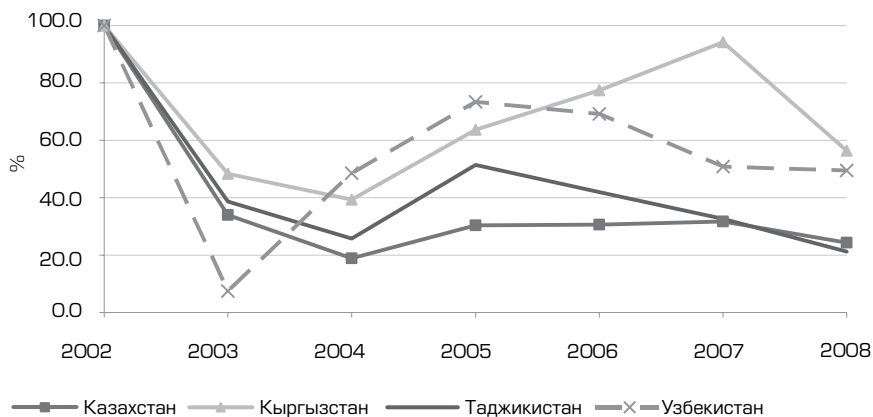

Результаты СИЕИ по индексу *сельскохозяйственной интеграции* базируются на данных по торговле злаками и свидетельствуют о достаточно высокой интенсивности взаимосвязей в центральноазиатском регионе, а также о лидерстве Казахстана на постсоветском пространстве в данной сфере. Казахстан присутствует во всех парах-лидерах: Казахстан–Азербайджан, Казахстан–Туркменистан и Казахстан–Кыргызстан. Это служит свидетельством интеграции соседних государств Центральной Азии и Каспийского региона, основанной, по всей видимости, на экспорте зерновых из Казахстана. Уровень интеграции в регионе ЦА-4 за период с 2002 по 2008 годы, однако, заметно снизился (см. рисунок 11), но во вторую половину рассматриваемого периода стабилизировался. Наибольшее падение динамики индекса интеграции наблюдается для Казахстана. В меньшей степени это характерно для Узбекистана и Кыргызстана.

Рисунок 11

Динамика индекса интеграции в сфере торговли злаками в регионе ЦА-4, 2002–2008 гг.

Источник: СИЕИ ЕАБР

Для сферы образования, по данным СИЕИ, интенсивный образовательный обмен характерен для соседних стран, сравнительно близких друг к другу, с точки зрения географии и культуры. Регион ЦА-4 не является исключением. Лидерами по интеграции по парам стран являются Кыргызстан–Узбекистан и Казахстан–Кыргызстан. Крупные государства, Россия и Украина, остаются привлекательными для иностранных студентов из региона СНГ, но их число в пропорции к общей численности населения этих стран остается незначительным. Максимальный прирост интенсивности обмена студентами приходится на пару Узбекистан–Казахстан, далее следует пара Кыргызстан–Казахстан. Максимальными показателями прироста интеграции с регионом ЦА-4 характеризуются Кыргызстан и Узбекистан (см. рисунок 13). В сравнении с другими субрегионами постсоветского пространства ЦА-4 по-прежнему лидирует по показателю интеграции рынка образовательных услуг, однако динамика роста студенческого обмена гораздо менее убедительна. Привлекательность образовательных учреждений в соседних государствах ЦА постепенно начинает уступать привлекательности вузов других государств.

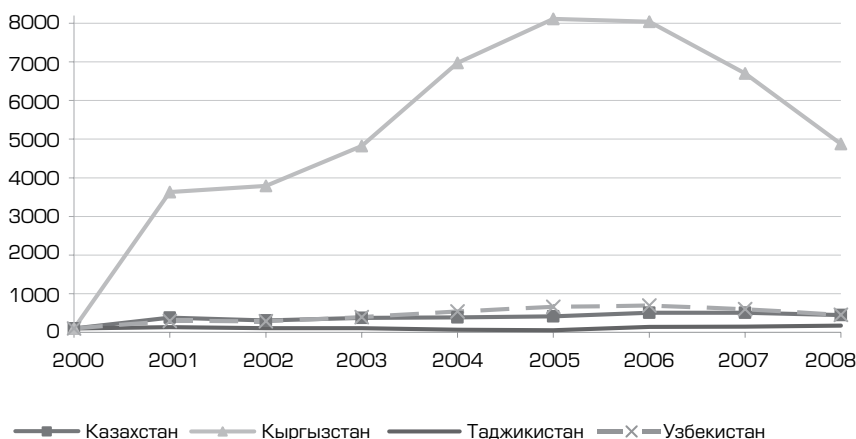

Рисунок 12

Динамика индекса интеграции в сфере образования в регионе ЦА-4, 2002–2008 гг.

Источник: СИЕИ ЕАБР

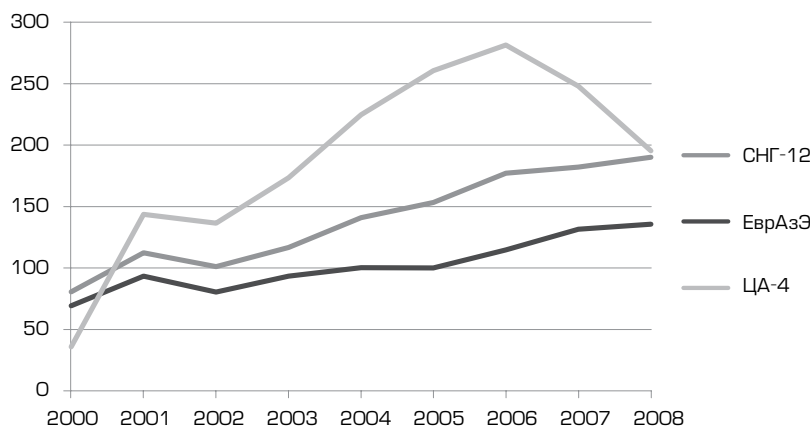

Рисунок 13

Динамика интеграции рынка образовательных услуг в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

Отдельный блок СИЕИ посвящен анализу конвергенции макроэкономических показателей. Результаты СИЕИ по показателям макроэкономи-

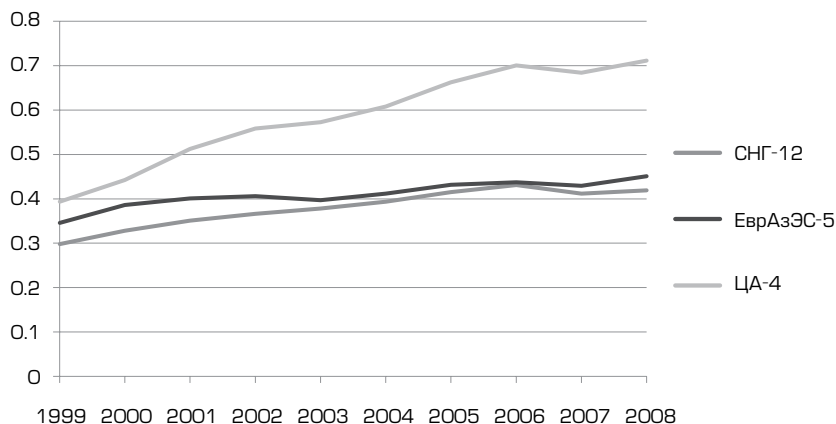
ческой, монетарной, финансовой и фискальной политики указывают на то, что *конвергенция экономик связана преимущественно с факторами, лежащими вне пределов интеграционного взаимодействия*. Ключевую роль для конвергенции экономик играют выбранные странами стратегии реформ и практика макроэкономического регулирования, ведущие к сокращению дистанции между ними, то есть внутриэкономические процессы оказывают прямое воздействие на ряд важнейших аспектов интеграции. По показателям темпов роста и уровня ВВП на душу населения, для *пар государств*, по данным СИЕИ, максимальное сближение наблюдается у пары Кыргызстан–Таджикистан, в то время как максимальное расхождение зафиксировано у пары Казахстан–Туркменистан. Наиболее всего за период с 1999 по 2008 годы увеличилась дистанция между Узбекистаном и Казахстаном. Динамика *конвергенции в регионах* постсоветского пространства в целом указывает на то, что страны ЦА–4 характеризуются максимальной дистанцией. ЦА–4 является также регионом, который показал максимальное снижение индекса конвергенции макроэкономических показателей за прошедшее десятилетие.

Рисунок 14

Динамика макроэкономической конвергенции в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

Примечание: повышение индикатора интерпретируется как увеличение дивергенции экономик; таким образом, дивергенция в рамках ЦА–4 выше, чем в рамках остальных рассматриваемых субрегионов постсоветского пространства

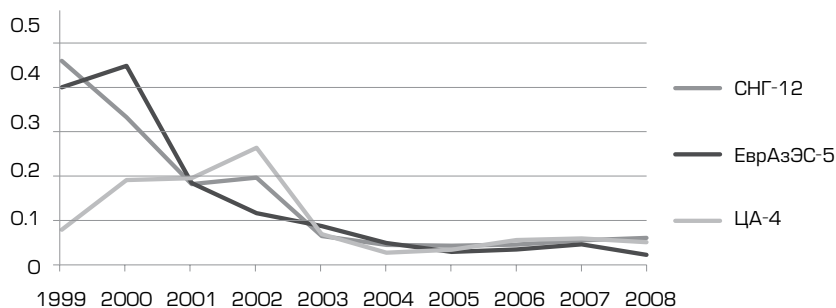
В сфере *монетарной политики* в начале 2000-х регион ЦА–4 значительно опережал четыре остальных региона по конвергенции монетарной политики, но к 2008 году эта характеристика была полностью потеряна.

Рисунок 15

Динамика конвергенции монетарной политики в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

Примечание: повышение индикатора интерпретируется как увеличение дивергенции экономик

По показателям *финансовой политики* во II половине 2000-х практически во всех группах стран наблюдалась конвергенция. Исключением является группа СНГ-12, для которой показатель дивергенции остается практически неизменным. Такая ситуация связана с развитием национальных банковских систем в постсоветских странах, в процессе которого все больше экономик демонстрируют качественный скачок в создании функционирующей банковской отрасли.

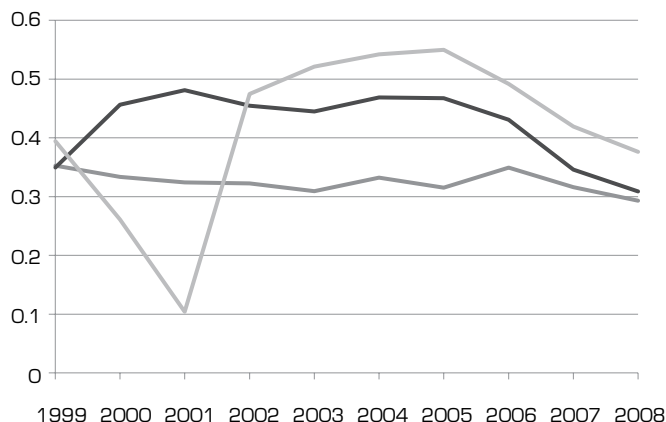

Рисунок 16

Динамика конвергенции финансовой политики в трех регионах постсоветского пространства

Источник: СИЕИ ЕАБР

Примечание: повышение индикатора интерпретируется как увеличение дивергенции экономик

Динамика этих же показателей для региона ЦА-4 в отдельности указывает на сближение с 2002 года стран региона по монетарной политике, намечившуюся с 2005 года тенденцию к конвергенции по показателям финансовой политики и стабильную тенденцию к дивергенции по макроэкономическим показателям на протяжении 2000-2008 годов.

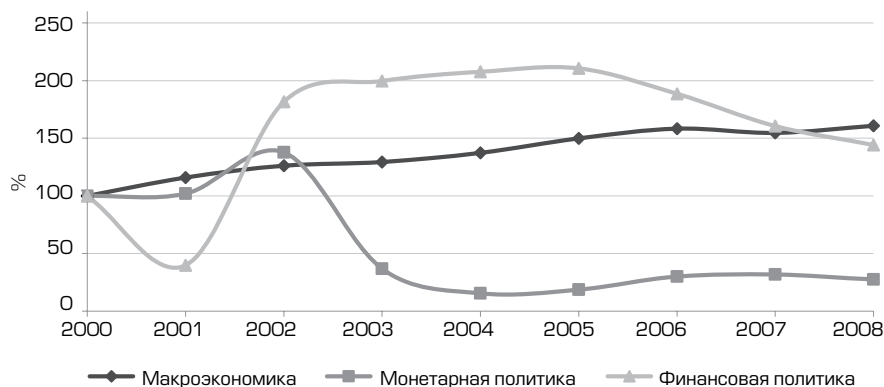

Рисунок 17

Динамика конвергенции экономик стран ЦА-4

Источник: СИЕИ ЕАБР

В целом, опираясь на результаты СИЕИ о текущем состоянии интеграции в регионе ЦА-4, можно сделать следующие выводы:

1. Внутрорегиональная торговля в ЦА-4 в период с 2000 по 2008 годы характеризовалась отрицательной динамикой роста. Географическая близость стран ЦА не ведет к росту торговой интеграции между ними. Страны ЦА-4 в большей степени вовлечены в торговлю в рамках постсоветского

пространства, чем в рамках собственного региона, причем со временем эта тенденция усиливается. Такими регионами для стран ЦА-4 прежде всего являются ЕврАзЭС-3, ЕврАзЭС-5 и в меньшей степени СНГ-12 (региональные объединения с участием России).

2. Казахстан вошел в число крупнейших экономик-целей, заинтересованных в привлечении мигрантов. Позитивная динамика роста индекса интеграции трудовой миграции между Казахстаном и Кыргызстаном и между Казахстаном и Азербайджаном позволяют говорить о Казахстане, как о еще одном формирующемся центре притока мигрантов помимо России. При этом уровень интеграции для ЦА-4 за прошедшее десятилетие не претерпел существенных изменений.

3. Трансграничный рынок электроэнергии является значимым для региона ЦА-4. Но за период с 2002 по 2008 годы индекс энергетической интеграции в регионе ЦА-4 демонстрирует отрицательную динамику темпов роста. На фоне остальных регионов, тенденция к снижению уровня энергетической интеграции для региона ЦА-4 была особенно сильной. При этом регион ЦА-4 по-прежнему остается лидером, с точки зрения интеграции рынков электроэнергии на постсоветском пространстве.

4. В регионе ЦА-4, после падения уровня индекса в 2003 году, показатель сельскохозяйственной интеграции стабилизировался на сравнительно устойчивом уровне, по-прежнему превосходящим аналогичный показатель для других рассмотренных регионов. Казахстан лидирует на постсоветском пространстве по торговле злаками и присутствует во всех диадах-лидерах: Казахстан-Азербайджан, Казахстан-Туркменистан и Казахстан-Кыргызстан. Это служит свидетельством интеграции соседних государств Центральной Азии и Каспийского региона, основанной, по всей видимости, на экспорте зерновых из Казахстана. Торговля зерновыми между другими государствами СНГ, соотнесенная с размером их экономик, заметно меньше.

5. Для сферы образования интенсивный образовательный обмен характерен для соседних стран, сравнительно близких друг к другу, с точки зрения географии и культуры. Регион ЦА-4 не является исключением. Максимальный прирост индекса интеграции приходится на диаду Узбекистан-Казахстан, далее следует пара Кыргызстан-Казахстан. Максимальными показателями прироста интеграции с регионом ЦА-4 характеризуются Кыргызстан и Узбекистан. Динамика интеграции в сфере образования в пяти постсоветских регионах свидетельствует о положительных тенденциях. Регион ЦА-4, где в последние годы показатель интеграции снизился, является исключением. Тем не менее, ЦА-4 по-прежнему лидирует с небольшим отрывом по показателю интеграции рынка образовательных услуг.

6. Страны ЦА-4 характеризуются максимальной дистанцией по конвергенции макроэкономических показателей. ЦА-4 также является регионом, который показал максимальное снижение индекса конвергенции макроэкономических показателей за прошедшее десятилетие. В сфере монетарной политики в начале 2000-х регион ЦА-4 значительно опере-

жал четыре остальных региона по конвергенции монетарной политики, а к 2002 году, напротив, характеризовался максимальной дивергенцией. Для интеграции рынков в сфере торговли и миграции масштабы взаимосвязей в ЦА-4 уступают уровню интеграции в СНГ в целом. Во всех трех сферах функциональной интеграции (энергетика, сельское хозяйство и образование) уровень интеграции в Центральной Азии заметно выше, чем на постсоветском пространстве в целом. В то же время во всех случаях динамика этой интеграции на уровне региона ЦА-4 остается негативной.

Таким образом, по большинству рассмотренных показателей интеграции СИЕИ, индексы демонстрируют отрицательную динамику, а экономические связи государств ЦА-4 между собой слабее, чем с другими постсоветскими субрегионами, куда входит Россия. В то же время, исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что сегодня в ЦА-4, наблюдаются достаточно интенсивные процессы регионального взаимодействия в отдельных сферах. Это трудовая миграция, образование, внутрорегиональная торговля электроэнергией и зерновыми.

Подводя итог, данные СИЕИ позволяют выделить некоторые интересные тенденции в развитии интеграции в постсоветской Центральной Азии. В дальнейшем мы попытаемся использовать полученные количественные данные для ответа на три ключевых вопроса, сформулированных нами во введении.

3. Интеграция на евразийском пространстве

3.1. Центральная Азия как обособленный регион постсоветского пространства

Прежде всего, попробуем понять, насколько корректной является интерпретация Центральной Азии как «обособленного региона», как минимум, в рамках постсоветского пространства. Слабость постсоветской интеграции в целом уже давно стала причиной повышенного внимания к интеграции в субрегиональном масштабе, связанной с взаимодействием отдельных групп постсоветских государств, возможно, более близких друг к другу с точки зрения географии, культуры и экономики. Классическим примером такого потенциального «интеграционного клуба» можно считать триаду «восточно-европейских» государств – России, Беларуси и Украины – или пять государств Центральной Азии. Однако если целесообразность более тесной интеграции в Восточной Европе становится предметом острых споров, связанных не в последнюю очередь с существованием привлекательной альтернативы «европейского вектора» интеграции, большинство исследователей – и в России, и на Западе – сходятся в поддержке целесообразности более тесной интеграции центральноазиатских государств [Bartlett, 2001].

При этом, однако, основу дискуссии составляет предположение о том, что Центральная Азия принципиально может рассматриваться как «обособленный регион». В данном случае, под обособленным регионом мы подразумеваем группу стран, связанных более тесными экономическими связями между собой, чем с третьими странами мира, или, как минимум,

существование устойчивого «смещения» (bias) трансграничных потоков благ и факторов производства в пользу внутрирегионального оборота в стандартных эмпирических моделях (например, гравитационных). Иначе говоря, нас интересует скорее «регионализация», то есть процесс взаимодействия на уровне рынков и частных структур, чем «регионализм», определяемый как набор формальных соглашений и договоренностей. Определение пределов «регионализации» всегда является достаточно сложной задачей – хотя бы из-за того, что границы региона в этом случае не обязательно совпадают с границами государств (Hurrell, 1995; Breslin, 2000).

Для Центральной Азии ситуация является априори неоднозначной. С одной стороны, многие страны региона являются экспортерами сырья и энергоносителей, «завязанными» на конъюнктуру глобальных рынков. С другой – по оценкам Всемирного банка, с точки зрения общей торговли, все страны ЦА входят в число государств с наихудшими условиями доступа к глобальным рынкам в мировой экономике (World Bank, 2009). Исследования свидетельствуют о резком росте транспортных издержек по мере удаления «вглубь» евразийского континента от границ ЕС (Raballand et al., 2005). Это, в частности, может содействовать концентрации потоков благ и факторов внутри региона и, в любом случае, делает дилемму «регионализации или глобализации» менее значимой.

Можно утверждать, что размер подобного пространства регионализации представляется значимым для определения пределов формальной экономической интеграции в силу трех аргументов. Первый, по сути дела, представляет собой эквивалент классической концепции теории общественных финансов (Oates, 1972), которая, как известно, требует предоставления общественных благ в регионе, границы которого определяются полной интернализацией внешних эффектов. Аналогичные выводы характерны и для блага «региональная экономическая интеграция», для которого также оптимальный размер юрисдикции не может быть меньше области, требующейся для интернализации внешних эффектов. Вторым аргументом (Alesina & Spolaore, 2003) связан с разнородностью игроков: интеграция может оказаться более устойчивой лишь если дистанция предпочтений между игроками является не очень большой. В противном случае выгоды от интеграции (скажем, связанные с интернализацией эффектов) будут уступать неэффективным издержкам «политических рисков» принятия неблагоприятного для страны решения. Последний аргумент (Herrmann-Pillath, 2006) связан со спросом на региональную интеграцию со стороны частных структур, по всей видимости, более значительным при существовании «кластера» экономических взаимосвязей в рамках конкретного региона.

Анализ данных СИЕИ, на наш взгляд, позволяет сделать выводы, как минимум, в отношении первого и третьего из указанных аргументов (в то время как второй связан, скорее, с анализом внутренней структуры экономики и политики, которая, впрочем, может сыграть ключевую роль в формировании модели региональной интеграции, см. Jayasuriya, 2003). С точки зрения «спроса» на региональную интеграцию, очевидно, что он яв-

ляется более заметным, если интенсивность региональных взаимосвязей внутри региона является большей. Для интернализации внешних эффектов общественного блага «региональная интеграция» также важно, чтобы экономические взаимосвязи были «сконцентрированы» в рамках региона: в противном случае порождаемые благом внешние эффекты (скажем, искажение торговых потоков) затрагивают и третьи страны и, соответственно, делают описанный регион неоптимальным для интеграции. Следует, однако, иметь в виду, что определение пространства регионализации важно и не только для формальной интеграции. Например, оно крайне интересно для внерегиональных игроков, формирующих свою стратегию в отношении региона (поскольку позволяет избежать неблагоприятных внешних эффектов политики в отношении конкретной страны или группы стран для политики по отношению к другим странам, тесно связанным с ними), будь то государства или частный бизнес.

Итак, в какой степени государства Центральной Азии действительно представляют собой самостоятельный «интеграционный регион»? Данные СИЕИ, использованные в настоящей работе, позволяют дать предварительный ответ на этот вопрос. При этом речь идет о своеобразном «лучшем из возможных» сценарии: в нашей оценке мы заранее не учитываем Туркменистан, политическая и экономическая система которого делает эту страну крайне трудным партнером для интеграции, а жесткий государственный контроль над экономикой ограничивает доступ на рынки для любых внешних игроков. Тем не менее, даже для этого сценария наши результаты являются неоднозначными.

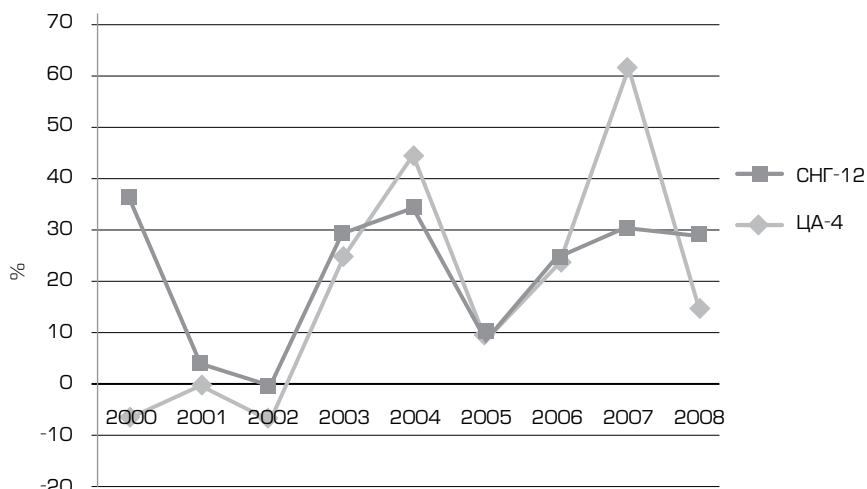
1. С одной стороны, во всех трех сферах функциональной интеграции (энергетика, сельское хозяйство и образование) уровень интеграции в Центральной Азии заметно выше, чем на постсоветском пространстве в целом. Это может быть связано как с наличием инфраструктурных взаимосвязей, так и с общим социальным пространством – порой основанном на гораздо более длительных взаимосвязях, чем в рамках СНГ в целом. В то же время для сельского хозяйства и образования динамика этой субрегиональной интеграции в течение 2000-х годов была негативной, причем в некоторых случаях – скажем, в сфере образования – снижение индекса практически полностью «уничтожило» преимущества ЦА-4 перед СНГ-12. В сфере миграции прирост индекса в регионе ЦА-4 заметно уступал по своему абсолютному значению СНГ-12 и даже ЕврАзЭС-5.

2. Что касается совокупной торговли, то здесь страны ЦА-4, как следует из результатов по приросту индекса, в большей степени вовлечены в торговлю в рамках постсоветского пространства, чем в рамках собственного региона, причем со временем эта тенденция усиливается. Такими регионами для стран ЦА-4 прежде всего являются ЕврАзЭС-3, ЕврАзЭС-5 и в меньшей степени СНГ-12 (то есть региональные объединения с участием России). Иначе говоря, можно утверждать, что для большинства стран ЦА-4 (кроме, возможно, Кыргызстана) Россия является в сфере торговли более значимым партнером, чем другие центральноазиатские страны. Следует иметь в виду, что динамика показателей обусловлена не абсолютным снижением объемов внутрирегиональной торговли, а ее отставанием

от роста экономик стран и их внерегиональных торговых связей. Однако для ЦА-4 характерны более низкие темпы прироста и абсолютных размеров внутрирегиональной торговли: если в СНГ-12 за 1999-2008 годы ее объем вырос в 5.8 раза, то в ЦА-4 – лишь в 4 раза. Темпы прироста во все годы, кроме 2004 и 2007 были ниже в ЦА-4, чем в СНГ-12 (см. рисунок 18).

Рисунок 18
Темпы прироста
внутрирегиональной
торговли ЦА-4 и
СНГ-12

Источник:
СИЕИ ЕАБР

3. Следует также учесть, что для ЦА-4 характерна максимальная дивергенция макроэкономических показателей за прошедшее десятилетие.

В целом, данные СИЕИ свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторые количественные различия, интеграционная динамика центрально-азиатского региона в высокой степени коррелирует с динамикой всего постсоветского пространства и основных его субрегионов. Это относится как к интеграции рынков, так и к конвергенции макроэкономических показателей. Подобная корреляция свидетельствует в пользу гипотезы о ЦА, как части постсоветского пространства, не обладающей самостоятельной динамикой и подчиненной общим трендам.

Подводя итог, если в Центральной Азии и имеется специфический потенциал субрегиональной интеграции, более успешной, чем в регионе СНГ в целом, то на протяжении последнего десятилетия он скорее сокращался. Возможно, движущей силой этой ситуации являются конфликты центральноазиатских государств по поводу распределения ресурсов и различия политической ориентации, а также жесткий протекционизм в сфере внешней торговли. Впрочем, сказанное касается лишь Центральной Азии в целом. Отдельные пары стран в регионе (скажем, Казахстан–Кыргызстан) по-прежнему обладают заметным потенциалом интеграционного взаимодействия, иногда лишь возрастающим со временем. Следует также иметь в виду, что в данных СИЕИ учитывалась исключительно формальная торговля. Неформальные торговые связи между странами Центральной Азии нередко оставались значительными даже в условиях протекционистской

политики (а порой даже выигрывали от последней, см. Megoran et al., 2005). Впрочем, государства региона предпринимают усилия и по поводу ограничения неформальной торговли в приграничных регионах (достаточно вспомнить политику «укрепления госграницы» Узбекистаном в Ферган-

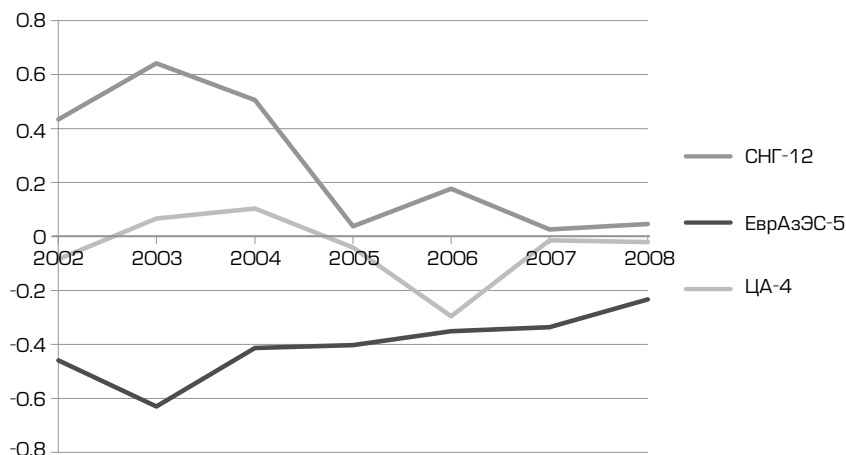

Рисунок 19

Обобщенный индекс интеграции для трех групп стран на постсоветском пространстве (2002–2008 гг.)

Источник:
СИЕИ ЕАБР

ской долине в 2008–2009 годы, предполагающую создание полноценной полосы отчуждения, строительство бетонных стен и рвов).

На *рисунке 19* представлен обобщенный индекс СИЕИ, рассчитанный для пяти регионов, определяющий среднюю динамику интеграции за период с 2002 по 2008 годы. В сопоставлении с другими регионами, уровень интеграции для стран Центральной Азии невысок и остается неизменным. Обращает на себя внимание тот факт, что страны региона ЦА–4 (за исключением Узбекистана) одновременно являются участниками ЕврАзЭС–5 – региона, демонстрирующего устойчивую позитивную динамику роста региональной интеграции.

Таким образом, данные СИЕИ свидетельствуют о том, что в настоящее время ЦА не представляет собой самостоятельный регион интеграции, являясь субрегионом в рамках постсоветского мира. Как уже говорилось ранее, политические отношения и экономические связи с Россией у каждой из стран региона ЦА–4 сильнее, чем друг с другом, а существующий уровень экономического взаимодействия внутри региона ЦА–4 в целом уступает уровню экономической и ресурсной зависимости стран данного региона от России. Возможно, этим обстоятельством и объясняется динамика формальных проектов региональной интеграции, реализовывавшихся в Центральной Азии на протяжении последних полутора десятилетий.

Центральноазиатский союз (ЦАС), объединивший Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, был образован в 1993 году с подписанием странами договора о создании экономического союза. В 1994 году подписан договор о создании единого экономического пространства. В 1998-м в состав участников ЦАС вошел Таджикистан, и организация была переименована в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). ЦАЭС ставило своей конечной целью создание общего рынка товаров, услуг и капи-

талов в регионе Центральной Азии в несколько этапов, начиная от зоны свободной торговли до таможенного, платежного и валютного союзов. Для достижения этой цели в рамках ЦАЭС было принято порядка 250 различных соглашений. Однако обязательства о беспрепятственном движении товаров через границы не были реализованы на практике. Нереализованными остались и планы по отмене таможенных пошлин, снижению налогов, сборов и других ограничений торговли, упрощению таможенного регулирования.

В начале 2002 года организация была ликвидирована с подписанием президентами четырех государств Договора об учреждении Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). В 2004 году в ОЦАС вступила Россия, а в 2005-м было принято решение «О дальнейшем развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве», которое предусматривало интеграцию ОЦАС в Евразийское экономическое сообщество. В январе 2006 года был подписан Протокол об интеграции Организации центральноазиатского сотрудничества в ЕврАзЭС. После того как парламент Узбекистана ратифицировал этот протокол, ОЦАС перестала существовать. Иначе говоря, пока из всех предпринимавшихся попыток, наиболее успешным на сегодняшний день проектом экономического объединения стран центральноазиатского региона можно назвать проект с участием России: проекты ЦАЭС–ОЦАС не выдержали «конкуренции» с более широким постсоветским интеграционным форматом².

3.2. Центральная Азия как субрегион Евразии: роль Китая

Итак, данные СИЕИ лишь частично подтверждают, что регионализация в Центральной Азии превосходит аналогичный показатель в постсоветском пространстве в целом. Однако, возможно, нами рассматривается не совсем корректная «платформа для сопоставления». Одна из наиболее интересных проблем для постсоветской интеграции связана с переходом от собственно «постсоветского» формата взаимодействия государств к «евразийской» интеграции. Если на «западном фланге» СНГ речь идет скорее о конкуренции «постсоветской» и «европейской» интеграции, то на «восточном фланге» СНГ, как правило, выделяется потенциальная роль КНР как нового центра притяжения для стран региона – и, прежде всего, Центральной Азии. Последнее находит свое выражение, как в рамках новых формальных интеграционных инициатив на региональном и субрегиональном уровне, так и в сфере непосредственного взаимодействия хозяйствующих субъектов КНР и стран Центральной Азии.

В настоящее время Китай прилагает значительные усилия по стимулированию сотрудничества на «субрегиональном» уровне с участием западных регионов КНР, стран Центральной Азии, Монголии и России (ср. Савкович, 2006; Парамонов et al., 2008; Kasenova, 2009). Помимо этого,

² Сказанное не следует интерпретировать в качестве однозначно позитивной оценки интеграции в ЕврАзЭС как таковой – последняя, вне всякого сомнения, также связана с многочисленными проблемами – однако тем более знаменательно, что ЦАЭС–ОЦАС оказалась неспособна действенно конкурировать с ЕврАзЭС.

постоянно усиливается присутствие КНР в экономической сфере стран региона и вне формальных интеграционных проектов (Wu, Chen, 2004; Peyrouse, 2007). Наиболее заметными для внешнего наблюдателя являются действия правительства КНР и государственных нефтегазовых компаний (таких, как CNPC) по обеспечению доступа к ресурсам углеводородного сырья Центральной Азии (Pham, 2006). Однако, возможно, не менее важной является преимущественно субрегиональная торговая интеграция, связанная с усилиями КНР по развитию экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). В этом контексте ключевыми игроками оказываются Xinjiang Production and Construction Corporation³ и сети индивидуальных торговцев, оперирующие в приграничных регионах (Levinsson, Svanberg, 2000; Raballand, Andresy, 2007). Например, базары Кыргызстана, по некоторым оценкам, уже давно превратились в важные центры реэкспорта китайских товаров в страны Центральной Азии (Kaminski, Raballand, 2009). Впрочем, базары Казахстана и самого СУАР также вовлечены в эту систему формирующихся в регионе неформальных взаимосвязей (Dana, 1998). По некоторым оценкам, учет объема неформальной торговли позволил бы «удвоить» показатели взаимного торгового оборота КНР и Центральной Азии (Fudala, 2010). В то же время и государственные органы власти КНР прилагают значительные усилия по стимулированию взаимосвязей на уровне компаний малого и среднего бизнеса (Swanstrom, 2003). Однако переоценивать масштабы связей КНР и Центральной Азии в настоящее время было бы преждевременно (Li, Wang, 1999).

На наш взгляд, данные СИЕИ могут использоваться для косвенной оценки степени «вовлеченности» КНР в процессы региональной интеграции. Можно предположить, что если Китай действительно оказывает определяющее воздействие на взаимодействие в регионе, то было бы логично предположить, что Центральная Азия в своей интеграционной динамике сильно отличается от «стандартного» пути эволюции оставшейся части постсоветского пространства. В этом случае «дивергенция» ЦА от тенденций развития постсоветского пространства в целом стала бы признаком роста роли Китая. Между тем, наши данные свидетельствуют, что интеграция в ЦА практически полностью следует общерегиональным тенденциям для СНГ. Это справедливо для всех без исключения показателей, как интеграции, так и макроэкономической конвергенции – возможны отклонения в динамике, но не в тенденции развития. Следовательно, косвенные данные позволяют говорить об отсутствии – как минимум, на сегодняшний момент – определяющего влияния КНР в регионе (естественно, при этом мы не можем исключить изменения ситуации в будущем).

По всей видимости, к аналогичным выводам можно прийти и в отношении других внерегиональных игроков. Несмотря на то, что ЕС и США имеют свои стратегические интересы в регионе, можно констатировать, что их воздействие является (как минимум, пока) недостаточным, чтобы «откло-

³ Специализированное государственное учреждение в СУАР, сочетающее в себе черты административного органа и частного бизнеса со значительными сохраняющимися элементами полувоенной организации.

нить» траекторию развития региона от общей постсоветской тенденции. Впрочем, по некоторым оценкам, степень автаркии государств региона даже выросла по сравнению с советским периодом, хотя медленный процесс интеграции в мировую экономику все же идет (Myant, Drahoukoupil, 2008). В любом случае, пока Центральная Азия, насколько можно судить, все еще остается частью «постсоветского пространства». Сказанное, впрочем, не означает, что этот формат является оптимальным, обеспечивая достаточное вовлечение Центральной Азии в глобальную экономику и генерируя для нее (как и для постсоветского пространства в целом) достаточные импульсы для экономического роста. В этой связи концепция «евразийской интеграции» (Linn, Tiomkin, 2006) не может не вызывать интерес. Иначе говоря, регионализм в Центральной Азии должен носить не столько «внутренний» (introverted), сколько «внешний» (extraverted) характер (см. Boonstra, Emerson, 2010).

Приведенный в настоящем разделе вывод, впрочем, не следует переоценивать. Во-первых, речь идет, подчеркнем еще раз, о косвенных показателях: наши данные не позволяют нам напрямую оценить интенсивность движения благ и факторов производства в регионе. Во-вторых, наш анализ не позволяет дифференцировать между *внешним* воздействием постсоветских стран-соседей на ЦА и *внутренними факторами*, возможно, одинаковыми в СНГ–12 и ЦА–4 и, следовательно, ведущими к схожим траекториям развития. Между тем, это различие немаловажно для анализа перспектив формальной интеграции и выборки стран для формирования экономической стратегии частных и государственных игроков.

Если наличие внешнего воздействия свидетельствует об «оптимальности» инициации интеграционных инициатив и анализа групп стран при формировании внешнеэкономической стратегии на уровне постсоветского пространства в целом, а не ЦА–4 (как мы говорили в предыдущем разделе), то наличие однородных внутренних факторов, ведущих к дезинтеграции, ставит под сомнение перспективы как центральноазиатской, так и постсоветской интеграции в равной степени (и, аналогичным образом, делает саму трактовку стран СНГ–12 и ЦА–4 как региона сомнительным, отдавая предпочтение двустороннему подходу, с учетом специфики отдельных стран). Приведенные нами в предыдущем разделе аргументы свидетельствуют, по всей видимости, о сочетании внутренних факторов (протекционистской внешнеторговой политики) и внешних (тесных связей с Россией) – но четко дифференцировать их мы в настоящее время не можем.

В-третьих, что особенно важно, центральное допущение, на котором строится анализ, может быть подвергнуто критике: возможно, что воздействие КНР на страны Центральной Азии ведет к тем же самым последствиям, что и воздействие России и постсоветского пространства, и, следовательно, ожидать отклонений траектории развития не следует. Хотя мы не можем в строгом смысле опровергнуть эту критику на основе имеющихся у нас данных, можно все же привести ряд аргументов в пользу нашей интерпретации. Что касается идентичного воздействия КНР и постсоветского пространства на эволюцию региона Центральной Азии, оно представляется сомнительным хотя бы в силу уже отмеченного факта использования

предпринимателями Китая некоторых стран ЦА (скажем, Кыргызстана и в меньшей степени Казахстана) как «трамплина» для проникновения в экономику региона в целом. В этом случае активность китайского бизнеса вылилась бы, скорее, в рост внутрирегиональных торговых потоков, в то время как последние сократились даже по сравнению с регионом СНГ (опять же подчеркнем, что при этом мы не учитываем неформальную торговлю). В то же время Россия в меньшей степени заинтересована в использовании «трамплинов», обладая традиционными позициями во всех странах региона, а также менее активна на рынках потребительских товаров (для которых такая «трамплинная» стратегия имеет смысл). Тем не менее, мы хотели бы еще раз отметить необходимость осторожной интерпретации полученных нами результатов.

3.3. Казахстан: второе интеграционное ядро на постсоветском пространстве

Итак, наш анализ до сих пор свидетельствует о сохраняющемся статусе региона Центральной Азии как субрегиона именно постсоветского пространства. Однако при этом хорошо известно, что регионализация на пространстве СНГ – во многом неизбежна, в силу сравнительных размеров постсоветских экономик – носит асимметричный характер, где доминирующую роль играет Россия. Интеграция во многом сводится к набору двусторонних связей между Россией и отдельными странами СНГ. Такая конструкция, как известно, является достаточно проблематичной с точки зрения формальных интеграционных проектов (для которых заметная асимметрия нередко заметно повышает издержки поиска консенсуса), к тому же очевидно, что при этом не полностью используются возможные преимущества специализации. Между тем, наши данные показывают, что на постсоветском пространстве постепенно формируется второй центр регионализации – Казахстан.

Конкретно, можно говорить о двух направлениях развития Казахстана, как самостоятельного интеграционного ядра, активность которого не опосредуется Россией. Во-первых, это сфера трудовой миграции, где, как уже отмечалось, Казахстан присутствует как самостоятельный (помимо России) «магнит» для трудовых ресурсов на постсоветском пространстве. Причины этого разнообразны – с одной стороны, быстрый рост экономики страны на протяжении 2000-х годов, а с другой – проблемы при интеграции трудовых мигрантов в российском обществе, вне всякого сомнения, содействуют росту привлекательности Казахстана. При этом, наиболее привлекательной республика остается для своих ближайших соседей – государств Центральной Азии. Начиная с 2002 года, Азербайджан также демонстрирует стабильный рост индекса интеграции с Казахстаном в сфере миграции.

Во-вторых, Казахстан играет ключевую роль в сфере торговой интеграции. Прежде всего, это находит свое выражение в сфере торговли зерновыми, где практически все диады стран, ведущие с точки зрения показателей интеграции, включают в себя Казахстан: при этом речь идет о Центральной Азии и Кавказе. Данные СИЕИ по диадам-лидерам в данной сфере

Рисунок 20

Азербайджан: индекс сельскохозяйственной интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

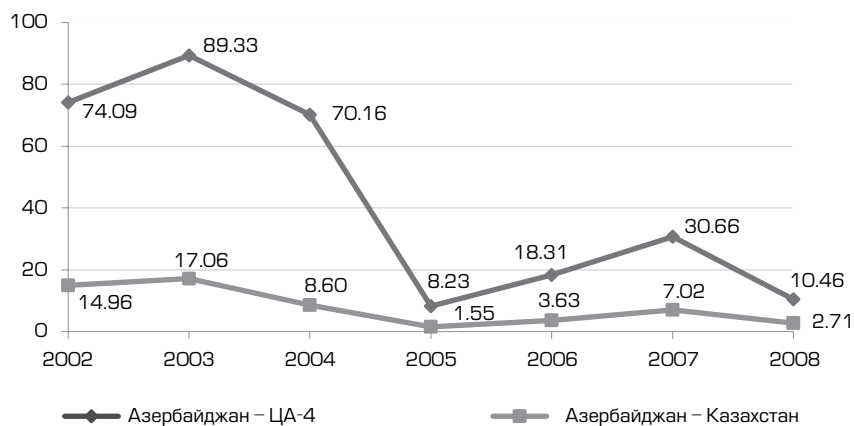

Рисунок 21

Кыргызстан: индекс сельскохозяйственной интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

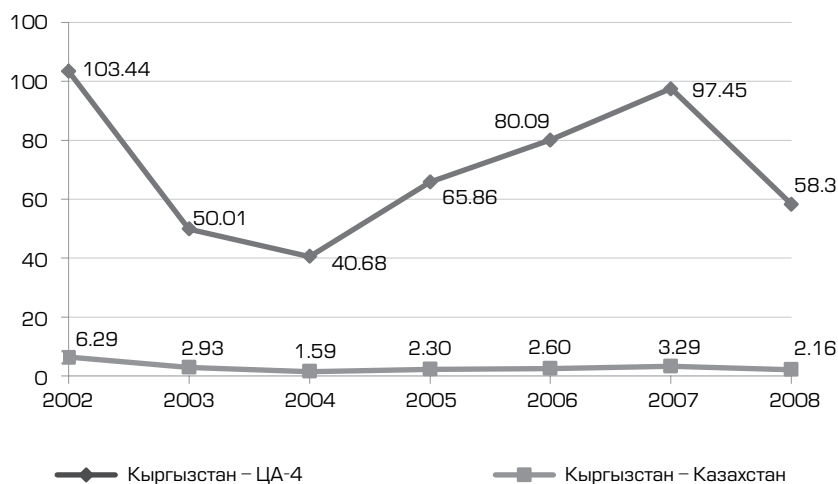
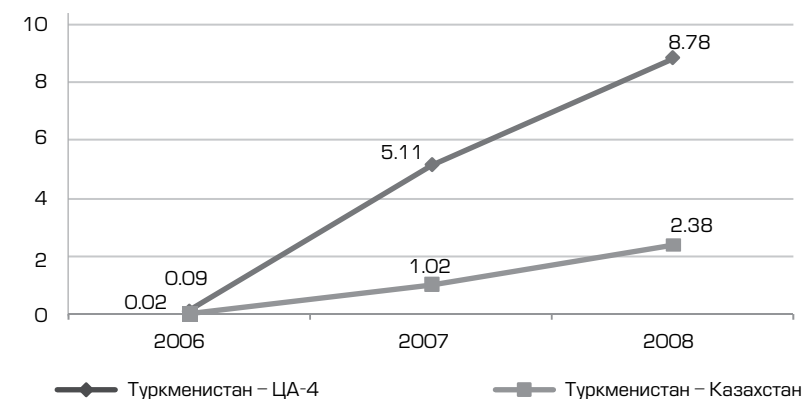

Рисунок 22

Туркменистан: индекс сельскохозяйственной интеграции

Источник: СИЕИ ЕАБР

указывают на то, что увеличение значения индекса интеграции страны с регионом ЦА-4 совпадает с увеличением индекса интеграции между этой страной и Казахстаном.

Более того, единственной диадой стран СНГ, не являющихся соседями, входящей в число лидеров, с точки зрения показателей интеграции в сфе-

ре совокупной торговли, и к тому же характеризующейся максимальным приростом показателя торговой интеграции среди всех диад на постсоветском пространстве за 1999–2008 годы, в целом, является пара Украина–Казахстан. Иначе говоря, в отличие от миграционного взаимодействия, в сфере торговли имеются косвенные признаки активности Казахстана и за пределами Центральной Азии, в масштабах постсоветского пространства в целом.

Постепенное становление Казахстана как самостоятельного «интеграционного ядра», безусловно, связано со значительно более высоким по сравнению с центральноазиатскими соседями уровнем ВВП, что делает Казахстан привлекательным для соседей в контексте торговли и трудовой миграции, а также повышает роль Казахстана как источника инвестиций. Действительно, как это показывает ряд эмпирических исследований (см. Головин, 2009; Vinokurov, 2009), Казахстан играет ключевую роль в инвестиционной и банковской экспансии в регионе СНГ. В связи с этим восприятие постсоветского пространства, как «моноцентричного» региона, нуждается в пересмотре: было бы более точным говорить о сосуществовании двух – пусть и, по всей видимости, неравных по своим масштабам, – центров регионализации.

4. Заключение

Несмотря на имеющиеся предпосылки к формированию Центральной Азии, как самостоятельного интеграционного региона, полученные нами результаты свидетельствуют об обратном. В настоящее время ЦА не представляет собой самостоятельный регион интеграции, являясь субрегионом в рамках постсоветского пространства. Интеграционная динамика Центральной Азии определяется общими трендами развития постсоветского пространства. Россия сохраняет определяющую роль в регионе, и наиболее успешные интеграционные инициативы связаны с ее присутствием и лидирующими позициями.

Мы выделяем два дополнительных тренда. В качестве первого мы отмечаем растущее влияние Китая в центральноазиатском регионе. Тем не менее, на сегодняшний день китайское влияние по своей силе несравнимо с российским. Это связано как с экономическим, политическим и культурным наследием советского периода (общая инфраструктура, язык, схожие системы управления, образования и т.д.), так и с сохраняющимся экономическим и политическим влиянием России в регионе.

Второй зарождающийся тренд – развитие Казахстана в качестве второго «интеграционного ядра» региональной интеграции на пространстве СНГ в целом и, прежде всего, в Центральной Азии. Казахстан наиболее явно выделяется в сфере трудовой миграции и образовательных услуг. Постепенное становление Казахстана как самостоятельного интеграционного ядра связано со значительно более высоким, по сравнению с центральноазиатскими соседями, уровнем ВВП, что делает республику привлекательной для соседей в контексте торговли, трудовой миграции и образования, а также повышает роль Казахстана как источника инвестиций.

Литература

Akiner S. (2007) *Regional cooperation in Central Asia*. School of Oriental and African Studies, University of London.

Alesina, A., Spolaore E. (2003) *The Size of Nations*. MIT Press.

Bartlett, D.L. (2001) Economic Development in the Newly Independent States: The Case for Regionalism. *European Journal of Development Research*. (2001) Vol. 13. No. 1.

Boonstra J., Emerson M. (2010) Into EurAsia – Monitoring the EU's Central Asia Strategy. Final Report. CEPS, Fride: Brussels, Madrid.

Breslin S. (2000) Studying Regions: Learning from the Old, Constructing the New. *New Political Economy*, vol. 5, no. 3: 333-352.

Dana L.-P. (1998) Small Business in Xinjiang. *Asia Journal of Business and Information Systems*, vol. 3, no. 1: 123-135.

EDB (2008) *Water and Energy Resources in Central Asia: Utilization and Development Issues*. EDB Industry Report no. 2.

Emerson M., Vinokurov E. (2009) *Optimisation of Central Asian and Eurasian Trans-Continental Land Transport Corridors*. EUCAM, Working paper 07, December. Available at: www.ups.be and www.eabr.org.

Fudala P. (2010) Economic Relations Between Central Asian Countries and China. Mimeo.

Gleason G. (2001) Inter-State Cooperation in Central Asia: from the CIS to the Shanghai Forum. *Europe-Asia Studies*, vol. 53, no. 7.

Herrmann-Pillath C. (2006) Endogenous Regionalism. *Journal of Institutional Economics*, vol. 2, no. 3: 297-318.

Hurrell A. (1995) Regionalism in Theoretical Perspective, in: Fawcett L., Hurrell A. (eds.): *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Oxford: Oxford University Press.

Jayasuriya K. (2003) Embedded Mercantilism and Open Regionalism: The Crisis of a Regional Political Project. *Third World Quarterly*, vol. 24, no. 2: 339-355.

Kaminski B., Raballand G. (2009) Entrepot for Chinese Consumer Goods in Central Asia: The Puzzle of Re-Export through Kyrgyz Bazaars. *Eurasian Geography and Economics* 50(5): 581-590.

Kasenova N. (2009) *China as an Emerging Donor in Tajikistan and Kyrgyzstan*. IFRI Russia/NIS Working Paper no.36, January.

Levinsson C., Svanberg I. (2000): Kazakhstan-China Border Trade Thrives after Demarcation Treaty. *CACI Analyst*, February 16.

Li H. Y., Wang Z. (2009) *Assessing China's Influence in Central Asia: A Dominant Regional Power?* University of Nottingham China Policy Institute Briefing no. 53.

Linn J. F., Tiomkin D. (2006) The New Impetus towards Economic Integration Between Europe and Asia. *Asia Europe Journal*, vol. 4, no. 1.

Megoran N., Raballand G., Bouyjou J. (2005) Performance, Representation and Economics of Border Control in Uzbekistan. *Geopolitics*, vol. 10, no. 4: 712-740.

Myant M., Drahokoupil J. (2008) International Integration and the Structure of Exports in Central Asian Republics. *Eurasian Geography and Economics* 49(5): 604-622.

Oates W. (1972) *Fiscal Federalism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Peyrouse S. (2007) *The Economic Aspects of the Chinese-Central-Asia Rapprochement*, Silk Road Papers, Washington DC: The Central Asia and Caucasus Institute.

Pham J.P. (2006) Beijing's Great Game: Understanding Chinese Strategy in Central Eurasia. *American Foreign Policy Interest*, vol. 28: 53-67.

Raballand G., Kunth A., Auty R. (2005) Central Asia's Transport Burden and Its Impact on Trade. *Economic Systems* 29: 6-11.

Raballand G., Andresy A. (2007) Why Should Trade Between Central Asia and China Continue to Expand? *Asia Europe Journal* 5(2): 235-252.

Swanstroem N. (2003) Chinese Business Interests in Central Asia: A Quest for Dominance. *CACI Analyst*. June 18.

Vinokurov E. (2007) Financing Infrastructure in Central Asia: Water and Energy Nexus. *World Finance Review*. Spring issue. 135-139.

Vinokurov E. (2008) *The CIS Common Electric Power Market*. EDB Industry Report no.3. EDB: Almaty. Available at www.eabr.org/eng/publications/reports/

Vinokurov E. (2009) *Mutual Investment in The CIS Banking Sector*. The Euromoney Central Asia & CEE Financial Markets Handbook 2009. 10, Euromoney, pp. 4-9.

World Bank (2009) *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. Washington: World Bank.

Wu H.-L., Chen C.-H. (2004) The Prospects for Regional Economic Integration Between China and the Five Central Asian Countries. *Europe-Asia Studies*, vol. 56, no. 7: 1059-1080.

Вардомский Л.Б. (2004) Экономическое пространство ЕвразЭС: структурные особенности регионального сотрудничества. *Проблемы постсоветских стран*, № 6, Москва, с. 76-93.

Вардомский Л.Б. (2005) *Центральная Азия и Закавказье в глобальном и региональном контекстах политико-экономического развития*. Мальгин А.В., Наринский М.М. (ред.) Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: энергетика и политика. Москва: Навона. с. 18-31.

ЕАБР (2010) *Система индикаторов евразийской интеграции*. Алматы: ЕАБР. Доступно на: www.eabr.org/rus/publications/projects.

Головнин М.Ю. (2008) Проблемы и перспективы интеграционной группировки ЕвразЭС, *Евразийская экономическая интеграция*. 1: 27-44.

Головнин М.Ю. (2009) Перспективы совместного развития инфраструктуры фондовых рынков. *Евразийская экономическая интеграция*. 1 (2): 41-48.

Звягельская И.Д. (2005) *Центральная Азия: эволюция параметров безопасности и стабильности*. Мальгин А.В., Наринский М.М. (ред.) Южный фланг СНГ. Центральная Азия–Каспий–Кавказ: энергетика и политика. Москва: Навона. с. 32-46.

Кузьмин Н. (2008) Союз несогласных. *Эксперт Казахстан*. 18.

Либман А.М. (2008) Устойчивый размер региональных интеграционных проектов и постсоветское пространство. *Евразийская экономическая интеграция*. 1: 10-26.

Либман А.М. (2009) «Интеграция снизу» в Центральной Азии. *Евразийская экономическая интеграция*. 1 (2): 6-26.

Либман А.М., Зевин Л.З. (2009) Интегрирующееся региональное пространство: дополнительные возможности экономического роста. *Евразийская экономическая интеграция*. 2 (3): 68-88.

Лузянин С.Г. (2005) *Центральная Азия: факторы развития*. Мальгин А.В., Наринский М.М. (ред.) Южный фланг СНГ. Центральная Азия–Каспий–Кавказ: энергетика и политика. Москва: Навона. с. 68-86.

Парамонов В., Строков А., Столповский О. (2008) *Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность*. Бишкек: Общественный Фонд Александра Князева.

Савкович Е. (2006) *Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана*. Агентство политических новостей – Казахстан. 2006. 28 августа.

Ушакова Н.А. (2004) Современное состояние и перспективы Организации центральноазиатского сотрудничества. *Проблемы постсоветских стран*. 6: 203-219.